

УДК 378
ББК .74.58 У90

Учебное знание как основа порождения культурных форм в университетском образовании

Материалы научно-практ. конф. (Минск, 14-15 ноября 2000 г.)
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. М. А. Гусаковского.
Мн.: ЗАО "ПроPILEI". 2001.- 360 с.

В сборник материалов включены тексты выступлений, материалы докладов и статьи участников научно-практической конференции "Учебное знание как основа порождения культурных форм в университетском образовании" ("Учебное знание. Университет. Культура").

Содержание обсуждений затрагивает актуальные проблемы философии, теории, социологии, методологии высшего образования.

Сборник предназначен для преподавателей высшей школы, ученых, аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (с. 7-9)

Философия образования

Д.Робертс. Европейский университет: вопросы и дилеммы (с. 10-20)

О.В.Долженко. Образовательное знание на пороге третьего тысячелетия (с. 21-38)

Н.И.Латыш. Сущность и основные направления развития современного гуманитарного знания (с. 39-46)

Н.И.Левко. Мыследеятельностный и социально-педагогический подходы к реализации культуротворческой парадигмы (с. 47-59)

Т.Н.Буйко. Основания учебного знания в поликультурном контексте: поиски философии образования (с. 60-73)

Н.С.Семенов. Образование: нормативность и рациональность (с. 74-78)

В.Г.Бондарев. Общественное знание в обновлении образования: холистско-синергетический подход (с. 79-90)

С.А. Крупник. Сравнительный анализ гуманитарного и естественнонаучного знания в педагогике. Проблема подходности. (с. 91-95)

Н.Э.Бекус-Гончарова. Образование в контексте идентификационных процессов (субъект образования как следствие концептуальной рамки) (с. 96-103)

Н.Л.Евдокименко. Проблема иного в пространстве современного знания (с. 104-112)

А.А.Меликян. Этика воспитания и мораль образования (с. 113-118)

К.В.Лядская. Понятие образования в историческом и герменевтическом аспектах (с. 119-122)

Е.Ю.Смирнова. Знание и власть сквозь призму "дискурса" (с. 123-130)

Социология образования

С.В.Костюкевич. Университет и его роль в подготовке интеллектуалов: размышления о массовости и элитарности (с. 131-144)

В.Е.Лявшук. Университет на рынке образовательного знания: эволюция структуры и технологии (с. 145-156)

А.В.Харченко. Апология традиционных методов обучения в современной системе высшего образования (с. 157-161)

Педагогика. Культурология образования

- В.А.Тюрина.** Формирование познавательной самостоятельности студентов в процессе решения познавательных задач (с. 161-171)
В.И.Турковский. Педагогическое знание студентов университета как фактор становления личности педагога-исследователя (с. 171-177)
Е.И.Федоренко. Формирование выводных знаний и логических умений студентов (с. 177-186)
Т.И.Краснова. Формы знания - содержание образования - формы коммуникации (с. 187-194)
Л.А.Яценко. Традиция как способ конституирования авторитета в научном и социальном мышлении (с.195-198)
Е.Н.Артеменок. Влияние эстетизации образовательной среды на формирование структур субъективности студента (с. 199-207)
С.М.Остроумова. Образовательный минимум (с. 208-211)
Е.В.Терещенко. Конструирование учебного знания в системе непрерывного экологического образования (с. 212-217)

Образование в контексте естествознания

- А.Н.Исаченко.** Учебное и образовательное знание в информатике (с. 218-224)
А.Н.Братенникова, Е.И.Василевская. Воспитывающий смысл химических знаний (с. 225-232)
Г.А.Гачко, Н.М.Попко, Л.Н.Хуторская, А.В.Хуторской. Взаимосвязь знаний и умений в подготовке специалиста-физика (с. 233-243)
Н.В.Михайлова. Методологические проблемы теоретической математики: три философских аспекта (с. 243-154)

Технологии в образовании

- Л.Г.Титаренко.** Современные технологии в обучении социальным дисциплинам (с. 255-260)
А.П.Клищенко, В.И.Шупляк. Концепция структуры и содержания учебников и учебных пособий по астрономии в вузах (с. 261-265)
В.Н.Бибило. Концептуальные подходы в определении структуры современных учебников для студентов юридических высших учебных заведений (с. 266-268)
А.А.Гусак, Е.А.Бричикова. Образовательное знание и концепции современного учебника высшей математики (с. 269-274)
В.А.Лиопо, Н.В.Матецкий, А.В.Никитин. Современные образовательные технологии. Учебные компьютерные задания как элемент формирования образовательной среды. (с. 275-281)
В.В.Шлыков. Формула наглядности В.Г.Болтянского и концепция дополнительности в геометрическом образовании (с. 292-298)
Н.И.Миницкий. Историческое учебное знание: проблемы конструирования и представления (с. 292-298)
Н.Н.Кисель, И.А.Медведева. Информационные технологии в процессе формирования учебного знания в философии (с. 299-305)
Ю.Э.Краснов. Концепция "проектного университета" как ответ на ситуацию общецивилизационного кризиса и смены образовательной парадигмы (с. 305-325)
Т.С.Трофимчук, М.Н.Покатилова, Л.А.Раевская. Формирование учебных знаний в процессе непрерывной подготовки в системе "училище-техникум-вуз" (с. 325-332)
А.Д. Король. Технология развития мыслительной деятельности учащегося в учебном диалоге с использованием компьютера (с. 333-341)
А.Д.Криволап. Конструирование социальной реальности в процессе учебной коммуникации при использовании современных образовательных технологий (с. 342-347)
Н.П.Хвесеня. Взаимосвязь методов обучения с ролью знаний в экономическом развитии (с. 348-354)
Сведения об авторах (С. 355-358)

Знание и власть сквозь призму «дискурса»

Е.Ю.Смирнова

Я не буду оригинальна, если в качестве исходного положения для своих рассуждений возьму утверждение, что в учебной деятельности существенную роль играют не только содержание учебного знания, но и характер его организации. К последнему относятся вопросы о предпосылках и посредниках познания, которые в общем счете выливаются в проблему представления знаний. Именно этот актуальный вопрос будет в центре моего внимания.

В современной системе образования проблема представления знаний находит свое решение главным образом в вербальной передаче знаний. Логоцентризм, фоноцентризм – это существенные характеристики современной культуры. Мысль, данная в слове и выраженная в звуке, становится опорой самоотождествления и гарантией самодостаточности любых образований человеческого сознания.

Знание как язык, т.е. словесно-знаковое оформление продуманного затмило собой знание как деятельность. «Думаю, что думаю» (М.Мамардашвили) стало важнее реального процесса думания. Манией человека стало мыслить содержанием. В таком положении когнитивной системе человека остается лишь оперировать знаниями, которые в каждой проблемной ситуации уже «упакованы». Приобретаемое знание и навыки мышления отнимает возможность самостоятельного действия и решения, блокируют склонность к интуитивному, эмпатическому познанию. «Мы видим крючки и дощечки, но знаем, что это коньки и лыжи. И иногда знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть видимое». [Мамардашвили М. Проблема сознания и философское призвание // Как я понимаю философию. – М., 1989. – С. 44.]

Вполне уместно задаться вопросом - почему и каким образом происходит выдвигание того или иного посредника познания на ведущую роль?

Возможно, на данный вопрос существуют альтернативные ответы. Но один из них может быть следующим. Внимание привлекает тот факт, что знание, циркулируемое в современном образовании и власть в ее современном виде определяется в постмодернистской философии одним словом – дискурс (от фр. discours- речь, выступление).

Сам дискурс (корни его теории – в лингвистике) принято трактовать как речевую практику, которая систематически формирует объекты, о которых говорит; тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность; условия появления и правила реализации конкретных речевых практик и языковых полей. [Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. - С. 50.] Такие определения дискурса дает М. Фуко в «Археологии знания». В качестве источника возникновения дискурса М.Фуко в работе «Порядок дискурса» назвал «волю к знанию», которая вырисовывала своего рода планы возможных объектов, навязывала познающему субъекту еще до всякого опыта определенную позицию, предписывала тот технический уровень, в который должны были инвестироваться знания, чтобы быть проверяемыми и полезными.

Посредством «воли к знанию» дискурс становится символической стратегией, посредством которой устанавливается определенное видение социального мира; он рассматривается как сконструированный феномен, призванный оформить, а не отразить реальность. Его стратегии, по мнению П.Бурдьё, можно расположить между двумя крайними точками: оскорбление, *idios logos* (частное мнение), когда простое частное лицо стремится внушить свою точку зрения, рискуя получить аналогичный ответ, и официальная номинация – акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие. [Бурдьё П. Символический порядок и власть номинации// Социология политики. - М., 1993. - С. 72.]

Функции официальной номинации, т.е. определение закономерностей, условий появления и правил реализации конкретных речевых практик и языковых полей принадлежат власти как предельно дерперсонализированной анонимной структуре. Власть эпохи постмодернизма, таким образом, проявляется в соединении власти и знака, поскольку репрезентативная власть носит во многом семиотический характер и ее структура тесно связана с языком. Власть как «континуум, возникающий (...) в глубине именованного, в зазоре между описанием и диспозицией вещей» [Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977. - С. 227.] становится единственным возможным посредником между субъектом и языком, устанавливая должный с ее точки зрения порядок вещей, событий, фактов. Поэтому, между техниками знания и стратегиями власти, заключает Фуко, нет никакого промежутка. [Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. - С. 199.]

«Попав в разряд означающих, ... дискурс аннулируется в своей реальности». [Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – С. 83.] Любая вещь, событие, факт становятся избыточны уже сами по себе, поскольку важны только слова, имена, которые воспроизводят вещи и факты в пространстве дискурса. Именно они определяют, что должно «быть», выдавая за что «есть», не соприкасаясь с реальностью. Как пишет Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», вещь способна дать начало социальному дискурсу. Но это способна сделать не столько наличествующая, сколько отсутствующая вещь. Поэтому сама реальность сегодня есть гиперреалист. Нереальное делается реальным. [Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. - С.90.] Природа реального отделяется от естественного мира и становится воспроизводимой посредством симуляции, что означает «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности: гиперреального». [Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция ((реферат В. Фурс) // Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. – С. 34.]

Для языка открываются безграничные просторы. Формируется практика «языкового господства», назначение которой – легитимация неравноправности ее участников. В частности, в образовательной практике – это менторская интонация преподавателя в обращении к учащемуся. Такой язык называют «официозным», «суконным», языком, который «вяжет» - «языком власти»; в нем существуют жесткие схемы, в рамках которых помещаются многообразные формы реального мира. Нарушенный в своем экзистенциальном основании, язык воспринимается как состоящий из каких-то потусторонних неподвижных блоков, представляющих собой мертвые образования.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что языковой (дискурсивный) характер сознания становится инструментом для власти и сам, соответственно наделяется властью. Не активность субъекта познания производит знание, но власть-знание определяет формы и возможные области познания. Знание навязывается сознанию человека в качестве неоспоримого авторитета, заставляющего и побуждающего его мыслить уже заранее готовыми понятиями. Образование из первичного "импульса к истине" превратилось в "индустрию сознания" – стандартизированный индустриальный процесс, внутри которого циркулируют мощные потоки готовых мыслительных структур.

Задача готовых мыслительных продуктов – "нарративного знания" – обеспечить инъекцию лояльности власти, поскольку оно побуждает человека оперировать в своем сознании уже заданными схемами и структурами. "...субъект в действительности не знает, что он думает, когда знает его" [Лиотар Ж. Ситуация постмодерна [Положение знания в развитых социумах] //Философская и социологическая мысль. – 1995. - №5-6. – С. 28.] (Лиотар) – тем самым на формировании сознания человека ставится завершающая точка, отсекающая перспективы его самостоятельного развития. Сознание ставится в прямую зависимость от находящегося в нем объективного содержания, над которым оно не властно. Но для того, чтобы обеспечить возможность самостоятельного действия и мышления, необходимо выделить еще существование, в котором мыслиться это содержание. Для этого необходимо понимание закономерностей функционирования различных компонентов мыслительной активности человека. Возможно, в первую очередь, актуальны разработки по соотношению мыслительных механизмов и состояниям языка, решающих проблему очищения языкового пространства, определяющих условия подлинного экзистенциального присвоения языка.

Вместе с тем нельзя упускать из внимания и тот факт, что речевая, словесная форма при всей ее значимости является одним из возможных способов представления и структурирования знаний. Для поиска аргументированного объяснения можно обратиться к признанию функциональной асимметрии головного мозга, согласно которому мыслительные операции, совершаемые в ходе восприятия и переработки информации, различаются в зависимости от того, структуры какого из полушарий преимущественно используются в данном процессе: переработка вербальной информации – в левом полушарии, образной, невербальной – в правом. Характеристиками первого являются дискретность, логичность, последовательность. Деятельность, осуществляемая в рамках правого полушария, – это образное восприятие, оно спонтанно и непрерывно. В арсенале восприятия мира образами – фантазия, воображение, которые искони обнаруживаются как формы познания. Деятельность воображения признается мышлением творческим и познавательным, но никак не примитивным. Это положение признается многими исследователями (например, в работе Голосовкера «Логика античного мифа»).

Понимание закономерностей функционирования различных компонентов мыслительной активности человека означает также анализ сложного переплетения и взаимодействия словесных и несловесных мыслительных актов, что открывает перспективу для переосмысления природы и гносеологического статуса невербальных структур. Невербальное состояние рассматривается как активность в момент здесь и сейчас, бытийствующая внутри исполнения своего же бытия (М.Мамардашвили).

Невербальный язык тесно связан с чувствами, эмоциями и другими внерациональными компонентами. По мнению российского философа Абрамовой Н.Т. перцепции, будучи спонтанными по способу своего происхождения, в значительной степени независимы от предваряющих объяснительных процедур, от отдаленных причин-оснований. Вот почему в мире чувств невозможно жить чужим умом, по абстрактным меркам, часто далеким от понимания конкретных жизненно-практических ситуаций. [Абрамова Н.Т. Невербальные мыслительные акты в «зеркале» рационального сознания» // Вопросы философии. – 1997. - №7. – С. 101.]

Перспективы переосмысления природы и гносеологического статуса невербальных структур сознания открывают новое видение знания на уровне восприятия. «В поле знания как проблемы мышление есть прежде всего видение и говорение, но мышление осуществляется в пространстве между ними, а промежутке или различии между видением и говорением». [Делез Ж. Складчатость или внутренние мысли /От Я к Другому - С. 247.]

Именно так трактуются традиционные взаимоотношения между языком и образом, суть в том, что вербальный знак и визуальная репрезентация никогда не даны одновременно. Обратимся к работе М.Фуко «Это не трубка». На анализе работ Рене Магритта М.Фуко пытается выяснить условия невозможности сведения видимого к высказанному.

Работы Р. Магритта, как справедливо отмечает М. Фуко, это перцептивные ловушки, искусственно расщепляющие наше сознание, наш повседневный механизм восприятия, в котором смешение производимого, называемого с видимым, а видимого – с производимым, позволяет «видеть» вещь ее именем, вселяя в нас уверенность, что мы видим саму вещь. Как отзывается Магритт о своих работах, их названия выбраны таким образом, что они не дают поместить их в «область привычного, туда, где автоматизм мысли непременно сработает, чтобы предотвратить беспокойство». [Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999. – С.44.] Такой ход позволяет создать новые связи между словами и вещами, уточнить некоторые свойства языка и предметов, обычно игнорируемые в повседневной жизни.

Как считает М. Фуко, объектом беспрецедентной атаки Р. Магритта становится наша уверенность в том, что, владея словами, мы владем, принадлежим, «касаемся» Реальности. Но сколько бы мы не называли видимое, оно никогда не уместится в названном, что позволяет определить превосходство функции «видеть» над «говорить». Мы наделяем видимое смыслом и понимаем его. Названо имя - и мы уже не видим. И хотя имя всегда будет предшествовать видимому и всякий раз ставить под сомнение нашу перцептивную веру в то, что мы можем видеть безымянно, не называя, из глубины «нейтрального и серого» пространства взгляда, по мнению В. Подороги, должно удерживать этот разрыв между именованием и видением, т.е. видением, которое не видит, а следовательно, и не называет, не имеет имен для называния, видением как чисто оптическим эффектом. [Подорога В. *Навязчивость взгляда М.Фуко и живопись // Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 111*]

Возможно, эта задача является в сущности нереализуемой задачей. Не вселяют оптимизма результаты нейрофизиологических исследований мозга, согласно которым на пути артикуляции нерасчлененной мысли стоят принципиальные препятствия. Так, обнаружено, что глубинные структуры высказываний, формирующихся в правом полушарии мозга, не имеют языкового оформления. Нерасчлененная мысль, конечно, не скрыта от системы, организующей образный контекст, ибо им и порождена, но она скрыта от эксплицирующей системы и от субъекта в той степени, в какой субъект определяется самосознанием. [См. *Психологические проблемы познания действительности. Труды по искусственному интеллекту. Уч. зап. Тартусского ун-та. – Вып. 793. – Тарту, 1988.*] Но, как справедливо указывает В. Подорога, там, где я обладаю «моим» взглядом, я лишен возможности воспринимать себя в качестве воспринимающего. Поэтому мы не видим «что», ибо «что» есть образ, который создается нашим воображением и нуждается в определенном именовательном акте, чтобы это «что» закрепить в качестве самой вещи, даже если эта вещь и не существует, а «видим как». Как считал Л. Витгенштейн, «видение как...» не принадлежит восприятию, а потому оно похоже и вместе с тем непохоже на видение» [Витгенштейн Л. *Философские работы. Ч. 1. – М.: «Гнозис», 1994. – С. 281.*] «Видеть как» – это одновременно и чувство, и действие, потому что, с одной стороны, поток образов не подвластен никакому контролю: образы возникают внезапно и спонтанно, и нет таких правил, которые бы регулировали бы их движение; с другой стороны, «видеть как» есть действие, потому что понять – уже значит нечто сделать. Поскольку образ не свободен, а привязан к словам, «видеть как» направляет образный поток, регулирует его развертывание. Поэтому невоспринятое в восприятии будет очагом события – такого состояния бытия (мира), «попадая» в которое любой наблюдатель становится себе иным, и пока оно длится, продолжается и его становление в Ином. [Подорога В. *Навязчивость взгляда М. Фуко и живопись // Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 129-130.*] Невербальное и вербальное, таким образом, оказываются тесно связанными между собой.

Можно предположить, что в основе использования новых технологий в образовании лежит «видение как», например, в использовании в процессе образования компьютеров. Идея полного перевода человеческого знания в компьютерные программы вызывает недоверие, ведь по замыслу компьютеризация связана с поиском общезначимости, инвариантности. И здесь необходим баланс разных средств. Но компьютеры могут приобрести важную роль в процессе изменения стереотипов в представлении знаний. Имеются в виду возможности компьютеров в создании виртуальной компьютерной реальности, в которой человек присутствует только идеально, хотя имитировать можно любые материальные процессы, в создании пространства смыслового разнообразия.

Сегодня компьютер навлек уже на себя порицание за превращение человека в некоего виртуала, получающего от возможностей его использования и от привыкаемости к нему воздействие, близкое к наркотическому. Ж. Бодрийяр с компьютерной революцией связывает изменение всей парадигмы чувствительности. По его мнению, осязаемость не является более органически присущей прикосновению. Мы бесконечно приближаемся к поверхности экрана, наши глаза словно растворяются в изображении и нет той языковой дистанции, отделяющей зрителя от сцены или зеркала и являющейся человеческой. Экран же виртуален и непреодолим. [Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла. – М., 2000. – С.81.*] Иначе видится этот вопрос рассматривается В.Подорогой. Он считает, что для того, чтобы признать реальность чего-либо, нам необходимо его коснуться. Зрение и развивается как компенсирующее тактильное (осязательное) чувство: видеть – это «касаться на дистанции» В любом зрительном акте всегда присутствует эта редуцированная форма физического касания. [Подорога В. *Навязчивость взгляда М. Фуко и живопись // Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 118.*]

Постановка вопроса о невербальном знании ввергает нас в пучину вопросов, на которые ответить очень сложно, а порой и не возможно. Абрамова Н.С. признает, что о способах передачи невербальных актов, в особенности сопряженных с коммуникативным контекстом, у нас не сложились еще полные и развернутые концепции. [Абрамова Н.Т. *Невербальные мыслительные акты в «зеркале» рационального сознания // Вопросы философии. – 1997. - №7. – С. 107.*] Однако то, что данная проблема не поддается целиком рационалистической логике, не делает ее иррациональной. В любом ее пояснении – поиски ее умопостигаемости. И из такого опыта можно извлечь некоторый познавательный опыт.

Литература

1. Абрамова Н.Т. Невербальные мыслительные акты в «зеркале» рационального сознания // Вопросы философии. – 1997. - №7. – С. 99-113.
2. Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла. – М., 2000.*

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция (реферат В.Фурс) / Философия эпохи постмодернаб Сб. переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995.
5. Бурдые П. Символический порядок и власть номинации// Социология политики. - М., 1993.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: «Гнозис», 1994. – С. 281.
7. Делез Ж. Складчатость или внутренние мысли / От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога.- Мн., 1997.
8. Лиотар Ж. Ситуация постмодерна [Положение знания в развитых социумах] //Философская и социологическая мысль. – 1995. - №5-6.
9. Мамардашвили М. Проблема сознания и философское призвание // Как я понимаю философию. – М., 1989.
10. Подорога В. Навязчивость взгляда М.Фуко и живопись // Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999. – С.
11. Психологические проблемы познания действительности. Труды по искусственному интеллекту. Уч. зап. Тартусского ун-та. - Вып. 793. – Тарту, 1988.
12. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996.
13. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996.
14. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
16. Фуко М. Это не трубка. – М.: Художественный журнал, 1999.